

ПЛАН
книги Д.В. Громова «Современное язычество в России»

Введение.

Глава 1. Современное язычество как объект исследования.

1.1. История исследования.

1.2. Подходы к рассмотрению современного язычества: миссионерский, сектоведческий, понимающий.

1.3. Методика исследования.

Глава 2. Способы структурирования и портреты представителей.

2.1. Разделение по критерию непрерывности представляемой традиции.

2.2. Разделение по следованию этническим и культурным образцам.

2.3. Разделение по следованию культурно-историческим и фантастическим образцам.

2.4. Разделение по соответствуию параметрам стилистики New Age (Новая эра).

2.5. Разделение по политическому позиционированию.

2.6. Разделение по степени социальной включенности в движение (общинники и индивидуалы).

2.7. Разделение по самоидентификации.

2.8. Современное язычество: движение, идентичность, дискурс

2.9. Современное язычество: определение.

2.10. Современное язычество и «пограничные» явления.

Глава 3. Социальные характеристики движения.

3.1. Численность в России и в мире

3.2. Общины. Соотношение общинников и индивидуалов. Полово-возрастной состав.

3.3. Коммуникативная структура.

3.4. Основные объединения.

3.5. Социальный состав язычников.

3.6. Структура общин. Искусство в современном язычестве: литература, музыка, живопись, декоративно-прикладное искусство.

3.7. Интернет-сообщества.

3.8. Самоидентификация как определяющая, черта отнесения к язычеству.

3.9. Политика и аполитичность.

3.10. Современное язычество и политический радикализм.

Глава 4. История современного язычества в России конца XX – начала XXI века

Глава 5. Обрядовая жизнь.

5.1. Календарные обряды.

5.2. Обряды жизненного цикла.

5.3. Закономерности построения обрядов.

5.4. Святыни: способы выбора места и организации пространства.

5.5. Сакральная скульптура.

5.6. Обрядовая одежда. Посох.

5.7. Обрядовая поэзия.

Глава 6. Мировоззрение

6.1. Совмещение многобожия и единобожия.

6.2. Представления о «золотом веке» и эсхатология.

6.3. Почитание предков.

6.4. Национализм.

6.5. Ригидность.

Глава 7. Парадоксы современного российского язычества и их преодоление.

Глава 8. Родноверия, Асатру, Викка: сравнительный структурный анализ.

Глава 9. Задел на следующую книгу: психологические особенности современных язычников.

Заключение 1. Общее описание современного язычества.

Заключение 2. Ответы на наиболее частые вопросы, связанные с язычеством.

ПРИМЕР ТЕКСТА КНИГИ

Глава 6.1. Совмещение единобожия и многобожия

Политеизм, или многобожие является определяющей частью языческих верований – это кажется непрекаемой истиной, об этом, как о само собой разумеющемся, говорится в учебниках [11, с. 15; 22, с. 171 и др.], словарях [31, с. 405–410; 36, р. 794–795], научной литературе [30, с. 24–33; 39, р. 1–54]. Хотя на древних, дописьменных этапах развития человечества было широко распространено понятие Бога-Творца – вселенского высшего существа, которое «было всегда, до того, как возник мир и пришла смерть, до того, как родились иные боги» [14, с. 183–194], однако именно приход авраамических религий на смену язычеству рассматривается как приход единобожия на смену многобожию. В то же время исследование современных российских язычников показывает, что практически никто из них не считает себя политеистами в чистом виде.

В данной статье, построенной на материалах полевых исследований, мы постараемся решить две задачи. Во-первых, опишем, как современные российские язычники позиционируют себя в мировоззренческих категориях единобожия и многобожия (считают ли они себя монотеистами и политеистами). Во-вторых, рассмотрим, как позиция по этому вопросу влияет на параметры современного язычества, обеспечивает его доктринальное и социальное устройство.

Прежде всего нужно вкратце описать, что представляет собой современное российское язычество. Согласно социологическому опросу исследовательской службы «Среда», язычники (по формулировке опроса, люди, «исповедующие традиционную религию своих предков, поклоняющиеся богам и силам природы») составляют 1,2% взрослого (18+) населения Российской Федерации [1]; этот процент сравним с величиной соответствующего показателя, например, в США [35, р. 159] и Великобритании [38]. Вопреки распространенному заблуждению «неоязычество», или «современное язычество» не является единой, монолитной общностью. Это множество направлений, перетекающих одно в другое, но при этом разнообразных по своим мировоззренческим установкам, по своей истории. Перечислим наиболее представительные из них.

1. Традиционные народные верования. В некоторых регионах народные верования сохранились настолько цельно, что воспринимаются как отдельное религиозное течение, отличное от христианства, мусульманства и других крупных религий. Речь идет о некоторых республиках Северного Кавказа (прежде всего, Северной Осетии), Сибири (прежде всего, Якутии и Алтая), Поволжья [1]. При этом верования горожан порой очень сильно отличаются от традиционных «деревенских», то есть, существует местное неоязычество.

2. Славянское неоязычество, или родноверие. Согласно нашим исследованиям, помимо собственно почитания богов (рационализированного и модифицированного с точки зрения картины мира современных людей), делается упор на почитание предков, родной земли, родной природы; как значимая ценность указывается общинность.

3. Германо-скандинавское язычество. В сравнении с родноверием, значительно больше установка на индивидуализм; меньше почитания природы, значительно меньше – почитания предков.

4. Западные направления неоязычества, прежде всего, викка (сформировавшаяся в середине XX века в Великобритании) и друидизм. Особенный упор на почитание природы, мистицизм.

Эти направления могут создавать довольно сложные композиции; так, конкретный язычник может быть «скандинавистом», но при этом славить славянского Перуна; объединение викканок может позиционировать себя как славянских ведьм, и т.д.

В данной статье мы сделаем упор на представителей славянского язычества, они составляют основную часть наших информантов. В основе данной статьи лежат материалы полевых исследований, проведенных с октября 2023 по август 2025 года. В ходе исследования было взято около пятидесяти индивидуальных и групповых полустандартизованных глубинных интервью с язычниками (средняя длительность интервью – 3,5 часа); кроме того, было посещено более двух десятков мероприятий языческой направленности (прежде всего, календарных обрядов), происходило знакомство с неоязыческой литературой, публикациями специализированных СМИ и социальных сетей. Рассматривая материал, мы сначала обратимся к письменным высказываниям язычников – лидеров мнений, а потом – к материалам наших интервью.

По сообщениям язычников старшего поколения, заставших начало 1990-х годов, мировоззренческое объединение единобожия и многобожия существовало уже тогда, оно воспринимается как один из основных принципов современного почитания богов¹. Этот принцип изложен, например, в малотиражном альманахе «Волховник» (вып. 7, 2000), позже факсимильно воспроизведенном в одном из книжных изданий [28]:

«Каково значение понятия “Бог” в Родноверии?

Понятие “Бог” мы можем использовать в двух значениях:

а) Все Бог – Род (Единый Бог, Чья Суть превыше всякой двойственности: бытия и небытия, времени и пространства, жизни и смерти, созидания и разрушения и т.д. Он – беспричинная Причина всего сущего, всепроникающее и всеохватывающее Духовное Начало, Основа и Исток Всемирья, кое явлено Им из Себя Самого).
б) Родные Боги, коих Множество (иже суть Лики Рода – различные ипостаси Все Бога, персонификации Его Силы).

Поистине, Все Бог (Род) – Всемог (в лицах Все Богья) и Всеедин (в Себе) одновременно, что снимает всякое противоречие между Единобожием и Многобожием (Монотеизмом и Политеизмом) в рамках Язычества. (...)
Родные Боги (Лики Рода, персонификации различных ипостасей Его Силы; упрощенно: проводники различных Его Сил) – могут открываться человеку в непосредственном личном контакте. Род же как Сам – постигим лишь через сверхсознательное прозрение человеком своей Истинной Природы (Духа Рода, иже суть Истинное АЗ ЕСМЬ человека)» [28; с. 90–91].

Приведенное высказывание является коллективным мнением нескольких авторитетных язычников, собравшихся под эгидой объединения «Коляда вятской» для выработки общей позиции по ряду важных вопросов. Дополнительно были приведены частные высказывания некоторых из них: «Язычество – это и Политеизм, и Монотеизм. Должно придерживаться гармоничного сочетания и того, и другого, ибо обе крайности есть уход от сути Язычества» (Н.Н. Сперанский (Велемир), Московская Велесова община). «Бог (с большой буквы) – един, как и Мир един. Но в сем мире есть Сила, и она нам является в различных образах, которые суть боги (с маленькой буквы). У этих богов – различные имена, через которые мы их и славим...» (М. Васильев (Добромуир), «Коляда вятской») [28, с. 91–92].

О сочетании единобожия и многобожия говорили и другие лидеры мнений: «Род – Един по Сути, но Многолик в Проявлении Своих Сил. Род не главенствует над

¹ Напр., о сочетании едино- и многобожия во взглядах А.А. Добровольского см.: [34].

Всемирием, но проявляется через всё сущее, хотя и не ограничивается лишь зримыми формами (Велеслав, «Родолюбие») [8, с. 71]. «Единство в многообразии суть есть. Перун, Велес – все сути от единого РОДа, и нет в этом никакого противоречия» (Родослав, Московская славянская языческая община) [8, с. 78].

Язычники-родноверы, чьи высказывания приведены выше, были знакомы между собой, образовывали неформальную сеть, однако созвучность их мироощущения не обусловлена взаимовлиянием. О таком же соотношении едино- и многобожия говорили и язычники, не имевшие тесных контактов с «Колядой вяличей» и по многим вопросам с ними несогласные, например, петербуржцы Н.В. Безверхий (Дед Остромысл, Союз Венедов) [18, с. 69] и В.Ю. Голяков (Богумил Второй Голяк, «Схорон еж словен»). Последний, в частности, писал: «По нынешнему ВСЁ ЕСТЬ БОГ! (...). ВСЕБОЖНОСТЬ! Бог Славянам Все Бог. Это не пантеизм и не монотеизм (...) Никаких пантеизмов, монотеизмов и прочая (...) не существует во Яви. (...) Все Боги Славяне понимают прямо как невозможность самостоятельного развития любой части Бога от Бога» [3].

Приведем также мнение А.Г. Резункова, лидера петербургской общины «Крина»: «В современном родноверии Род – начало, творец и создатель всего сущего и несущего, явного и неявного, живого и неживого, Всеединый Вседержитель. Он творит и присутствует во всём, есть основа всего. Рода можно назвать высшим богом, но это будет не совсем верно. Он над богами, он над всем сотворённым. Поэтому сказать: “Я есть Род” не будет гордыней, самообманом, потому что всё и каждый есть частица вечного и бесконечного, творящего и разрушающего, что есть Род» [27, с. 293].

Резюмируя говорившееся с 1990-х, И.Г. Черкасов (Велеслав) в одном из своих недавних изданий говорил:

«Родноверие (по крайней мере, современное) не является в строгом смысле ни многобожием (политеизмом), ни единобожием (монотеизмом), но зачастую определяется самими родноверами как Родобожие – почитание единства Всебожья (неразделенного Рода Богов) в олицетворяемых силах природы и аспектах сознания, соотносимых с ликами родных Богов. (...).

По представлениям современных родноверов, единое духовное Начало естественным образом проявлено во множестве действующих в мире творческих и разрушительных сил, как олицетворённых образами традиционной культуры, так и выходящими за рамки любых олицетворений. Родные Боги славян-родноверов проявляются в силах природы и в природе души (психики и сознания) самого человека. (...)

Образы языческих богов могут трактоваться как мифопоэтические олицетворения живой природы вовне и внутри человека, выходящие за рамки личностных границ, но не порывающие с ними окончательно. Род Богов многогранен, воплощён во множестве божественных образов, но при этом един и целен» [32, с. 25–26].

Те же мысли о совмещении едино- и многобожия высказывались в ходе практических всех интервью. В качестве примера приведем обобщающее высказывание жреца одной из московских общин: «У меня есть представление, и я думаю, что не только у меня, в целом в современном родноверии (...): представление о некоем едином Боге. То есть, есть Бог-Творец, который создал всё видимое и невидимое, и всё остальное. То, что мы называем богами, – это лишь его эманации. Как и весь мир видимый, невидимый, материальный, нематериальный, – всё, по сути, является эманацией единого Рода в этом плане. Что боги, что мы представляем из себя разные грани этого высшего “Я”, и в этом плане боги являются просто воплощением неких сил, неких законов, неких тенденций, которые есть. Скорее это как разворачивание наших психологических процессов во времени и пространстве» [муж., 1987 г.р.].

Воззрение, согласно которому разнообразие объектов в конечном счёте сводится к единому началу, называется монизмом.

В концепции, говорящей о непознаваемом всеохватном Боге, воспринимаемом людьми через его эманации, явно видно сходство с учением об идеях (эйдосах), сформулированном в рамках античной философской мысли и получившем свою максимальную проработку в работах Платона. Идеи здесь – неизменные явления, составляющие основу вещей; согласно идеалистическим представлениям, познание онтологической сущности мира с помощью данных человеку возможностей восприятия и осмысления затруднено. Большое влияние как на философскую мысль, так и на общественное сознание оказала притча Платона о пещере, содержащаяся в седьмой книге диалога «Государство» [26, с. 295–296]. Притча рассказывает о людях, которые сидят в глубине пещеры, неспособные пошевелиться, и создают свое представление о мире только по теням, которые отражаются на стене. Эта метафора говорит об ограниченности человеческих органов чувств, о неспособности человека познать окружающий мир и об идеальной целостности этого непознаваемого мира. Идеалистические взгляды Платона являются одним из наиболее востребованных философских подходов, на протяжении тысячелетий они переосмысливались бесконечное количество раз во многих контекстах. А.Ф. Лосев по этому поводу писал: «Никакая живая идея не может оставаться в течение веков одинаковой. Если она жива, то существует и всё время нарождается новое и новое понимание. Невозможно представить себе ценного философа, понимание которого оставалось бы всегда одинаковым» [21, с. 287]. Мировоззрение, сформировавшееся в современном язычестве, – стихийно возникшая манифестация идей Платона. Авторы языческой направленности проявляют интерес к наследию древнегреческого философа [5; 9, с. 155; 13; 25 и др.]. Например, философ и язычник Е.А. Нечкасов (Askr Svarte) отмечал, что «ядро язычества – это его манифестационистская сущность, и употребляя термин “язычество”, мы в первую очередь имеем в виду manifestare и всю вытекающую из этого онтологию, метафизику, мышление и структуры. В этом язычество (языческий традиционализм) гораздо ближе к пониманию досократического и хайдеггерянского фўбс» [23, с. 17–18].

Развитию монистических идей посвящены многие работы Нечкасова, из которых последняя по времени – книга «Структуры сакрального» [24], в первой части которой, помимо прочего говорится:

«Обычно считается, что язычество – это политеизм, то есть многобожие. Наличие множества Божеств – это как бы наш главный отличительный признак. Но это не совсем так. (...) Ключевое определение языческих традиций — это доктрина проявления Божественного, т.е. манифестационизм вместо креационизма» [24, с. 48].

Снова подчеркивается, что манифестационизм является ключевой чертой языческого мировоззрения:

«Все язычники – манифестационисты. Это проявляется в знании о том, что мир представляется целым (холизм), что мир и Божества / Божественное начало связаны и едины, что люди (народы) – это потомки Богов, духов или мифических первопредков, которые сродни Богам. (...) Абсолютно противоположным образом выстраивается онтология авраамических религий, которые мы можем называть религиями креационизма. (...) В креационизме Бог и мир имеют принципиальное качественное различие, Бог есть исток и бытие, а мир и люди подобны глиняным креатурам. (...) Максимум что может человек – это приблизиться к Богу, но никогда – слиться с ним или раскрыть свою собственную Божественную природу» [24, с. 29-31].

В качестве философских направлений, созвучных языческому монизму, Нечкасов, помимо упомянутых выше учений Платона и неоплатоников, называет адвайта-веданту и интегральный традиционализм.

Выстраивание мировоззренческой концепции, соединяющей единобожие и многобожие, обосновывается авторами-язычниками ссылками на исторические источники, фольклорные тексты и мифологические образы.

В 2000-м году А.В. Гайдуков писал: «Почти во всех учениях неоязычества есть Бог-творец (Род, Сварог), иногда понимаемый как Единый и Неделимый, сотворивший мир (миры)» [10, с. 78].

Образ Рода как Бога-творца был взят из трудов Б.А. Рыбакова [29, с. 438–464] – автора, оказавшего на российское язычество огромное влияние, особенно на первых этапах его развития. И ранее, и впоследствии выдвигались другие версии о сущности Рода (*Кутарев 2013*), «осмысление образов Рода и Рожаниц (...) порождало у различных исследователей наиболее противоречивые гипотезы» [32, с. 679]; на настоящий момент этот вопрос окончательно не решен². В настоящее время Рода в качестве верховного Бога-Творца упоминают многие авторы-язычники. Имя божества используется в обрядности, так, восклицание «Слава Роду!» – одна из наиболее часто используемых сакральных формул; применяется как итоговая фраза для обрядовых действий, может использоваться и как приветствие.

Что касается Сварога, исторические и этнографические материалы о нем также малочисленны, но на основании их можно выделить определенный набор функций божества: «Современные славянские родноверы чтут Сварога как олицетворение Неба и небесного Бога-Создателя, повелевающего Огнем (небесным и земным), Увердителя законов мироздания и нравственного закона в человеческом обществе, научившего людей жить по правде, а не по кривде» [32, с. 410].

Конкретизация образа единого Бога-Творца может быть связана и с другими теонимами; так, «в некоторых родноверческих общинах, преимущественно тяготеющих к культу Перуна, последний порой сближается или даже прямо отождествляется со Сварогом и почитается Верховным небесным Богом – Владыкой Солнца, Молнии и Огня» [32, с. 410]. Версию о том, что Перун был верховным богом, разрабатывал Л.С. Клейн [16].

Обосновывая соединение единобожия и многобожия, современные язычники обращаются к фольклору и литературе о мифологии.

Во-первых, это Стих о «Голубиной книге», в котором говорится о создании мира из частей тела единого Бога («самого Христа, Царя Небесного»). Так, И.Г. Черкасов пишет: «Само мироздание – Всемирье – представляется современными славянскими родноверами не сотворенным из “ничего” (доктрина креационизма), а проявленным из самого Божественного и ставшим своего рода живой плотью Всеобщая (доктрина манифестационизма, излагаемая, в общих чертах, в известной из фольклорных источников “Голубиной книге”)» [32, с. 25]. Отсылки к стиху о «Голубиной книге» встречаются в современных гимнах богу Роду [4, с. 146].

Во-вторых, образ дерева, который часто используется в фольклоре и воспринимается как проявления мифологемы Мирового древа. Например: «Бог един и множественен, каждый народ познает его на разных уровнях, в свое время, и называет по-

² Многие источники говорят о Роде не как о великим Боге-творце, а как о божестве более низкого уровня, связанном с семьей, родом или же судьбой, удачей. В то же время разнообразие в описаниях одного и того же мифологического персонажа не должно смущать исследователя: разные по времени и характеру источники могут давать весьма противоречивую картину. Так или иначе, авторитетные источники, говорящие о Роде именно как о Боге-творце, существуют, и с ними нужно считаться.

своему, по сути, одно и то же понимая. Род людской – Древо, а народы – ветви разные. Негоже ветвям одного дерева между собою враждовать, мы – суть одно!» [17]

Следуя структуралистскому подходу, посмотрим, как принцип совмещения единобожия и многобожия проявляется в мировоззренческих установках современного язычества.

1. Установка на историко-культурную многообразность описаний непознаваемого ведет к *религиозной толерантности*. Предполагается, что многочисленные религии, существующие в мире, являются различными описаниями непознаваемого единого; религиозные парадигмы возникли исторически и отражают характерные черты народов, которые их создали. В связи с этим приведем высказывание жрицы общины «Вятичи» Арины Весты: «Утверждая Древнюю Веру, язычники уважают и приветствуют все этнические религии, являющиеся самоценным творчеством Рода, и признают, что имеют не только общие интересы и морально-этнические ценности с верующими других конфессий, но и единое пространство патриотических, экологических и духовно-созидаательных идей» [7, с. 15].

Для меня оказалось довольно неожиданным единодушие, с которым информанты-язычники ответили на вопрос: «Есть ли у Вас внутренний конфликт с другими религиями, в частности, с христианством?». Ответ был отрицательным, о конфликте с христианством не говорили, или же говорили о несогласии с его частными положениями. Многие рассказывали о своем личном опыте увлечения православием, который оканчивался, как правило, бесконфликтным осознанием предпочтительности языческих верований именно для себя. Сказанное не отменяет конфликта многих информантов с православной Церковью как социальным институтом, и этот конфликт носит оборонительный характер: помимо общеисторических претензий об уничтожении христианством язычества, информанты говорили о целенаправленной борьбе Церкви в целом против язычников, об антиязыческих акциях отдельных священников, об агрессии со стороны православных верующих.

Толерантный подход к другим верованиям предполагает расширенное понимание категории «язычество»; к языческим относят религии, исторически возникшие у разных народов на основании собственных мифологических представлений и этнокультурных установок; так, в ходе интервью часто звучала мысль, что «иудаизм – это язычество евреев». Стоит добавить, что и христианство иногда расценивается как религия, возникшая в Восточном Средиземноморье, и это ограничивает его применимость в других регионах.

2. Установка на индивидуальность познания мира облегчает *отказ современного язычника от архаических традиций*, формирует установку на *динамичность*. Один из парадоксов современного язычества – противоречие между «традициями и инновациями» [2, с. 11–23], между ориентацией на древние религиозные формы и современным укладом жизни (рассматриваемая группа вполне современна и имеет позитивные социальные установки [1; 20, с. 20]). Конструирование «нового язычества» предполагает попытку перенесения мировоззрения, органично существовавшего в условиях родоплеменного и раннефеодального общества, в условия современного постиндустриального общества. Кроме того, предполагается перенос архаичной картины мира, свойственной «исконным» язычникам и народному мировоззрению постязыческих веков, в современное общество, где практически все (в том числе, все участники родноверческих объединений) обладают современной научной картиной мира. Считая мир божественного непознаваемым, современные язычники воспринимают окружающую действительность как

изменяющуюся в субъективном восприятии. Соответственно, им представляется очевидным, что люди разных исторических эпох могли описывать мир в тех образах, которые им были доступны. Например, человек древности описывал гром как Перуна или Илью-пророка, скачущего на громовой колеснице; современный же человек, знающий естественнонаучное описание грома как природного явления, не пользуется такими образами, однако может сохранять понимание Перуна как бога, вкладывая в это понятие другие смыслы. И.Г. Черкасов так говорит об исторической трансформации взглядов на сакральное: «Образы Богов могут – и неизбежно будут – изменяться со временем, пребывая в динамической гармонии с эволюционными процессами в природе, изменениями в сознании человека и окружающем его мире» [32, с. 25–26].

Как следствие, на вопрос «Как Вы соотносите свое языческое мировоззрение с научной картиной мира» информанты отвечали легко и уверенно; тезис о субъективной непознаваемости действительности позволяет непротиворечиво примирить религиозную идентичность с научным мировоззрением. Здесь можно выделить несколько объяснительных стратегий.

Во-первых, говорится о несоразмерности опыта древних и современных язычников, при том, что и те и другие формируют свою картину мира сходными когнитивными методами: «Любое построение, постижение мира научно изначально, они не были людьми учеными, но они же как-то до всего этого дошли, исследуя мир. Я не думаю, что язычники не корректировали бы свое мировоззрение, не пользовались бы машинами, если бы дожили до наших дней. Идет постоянная корректировка» [муж., 1977 г.р.].

Во-вторых, при научном познании мира остается область непознаваемого, связанного с божественным; хотя познание и продвигается всё дальше, но полного познания мира достичь не удается: «Да, теперь мы знаем природу грома, он связан с электричеством, это не звуки колесницы Перуна, несущегося по небу. Но остается представление о некоем божественном начале, которое описывается через образ Перуна и выходит за рамки наших знаний о законах физики» [муж., 1975 г.р.].

В-третьих, описания явлений окружающего мира через мифологические образы расцениваются не как объективно-научное, а как субъективное, поэтическое описание. Язычники дают богам и силам природы образные определения, в этом они вольно или невольно следуют подходу к рассмотрению мифологии как «поэтических взглядов славян на природу» (название классического труда А.Н. Афанасьева).

В современном язычестве возможны концептуальные подходы, позволяющие сочетать научное и религиозно-мифологическое мировоззрение. Благодаря этому в язычество могут включаться люди с высокой научной компетентностью, как, например, один из наиболее авторитетных деятелей современного язычества Н.Н. Сперанский (Велимир) был кандидатом физико-математических наук, старшим научным сотрудником троицкого филиала Института им. Курчатова, специалистом по высокотемпературной плазме.

3. Установка на непознаваемость мира и его единство в многообразии способствует *シンкетичности мировоззрения некоторых язычников*. «Предположение, что божества являются различными лицами схожих реальностей или сил в мире, подкрепляет оправдания культурных заимствований» [37, р. 57]. Знакомство с различными мировоззренческими системами ведет к pragmatическому использованию их отдельных положений в обрядовой практике. Причем большинству лидеров мнений такой подход не свойственен, они, как правило, стараются следовать одной выбранной системе; это заметно по их публикациям. Например, родновер, конструируя свой пантеон и ритуальные практики, постараётся следовать именно славянским традициям почитания богов и предков. По крайней мере, откровенный синкетизм не будет приветствоваться. Пожалуй, то же можно сказать об активных участниках общин: они будут стараться

следовать какой-либо системе, одобряемой в общине (хотя вариативность личных мнений и предпочтений может оказаться крайне высокой).

Что касается отдельных адептов язычества, здесь произвольность выбора значительно выше; например, одна из наших информанток перечислила целый ряд персонажей индуистской, германо-скандинавской и славянской мифологии, к которым она обращается в различных ситуациях. Выбор того или иного персонажа определяется его характером, ситуацией, а также «зависит, скорее, от внутреннего состояния, то есть какую силу я сейчас могу выдержать» [жен., 1992 г.р.].

Обращение к разным богам и силам в разных ситуациях предполагает индивидуальный подход. Так, приведем фрагмент из интервью, в котором показывается обращение человека к богу для достижения определенных целей: «Для нас Перун – это некая персонаификация некой силы, которую можно воспринять и как небесное электричество, и как силу справедливости, справедливого мщения за деяния. То есть, если мне, например, тяжело совершить какой-то поступок, который я считаю справедливым или страшным, например, я могу обратиться к Перуну, это как элемент психотерапии. Я могу воспользоваться силой Перуна, поднять ее в себе для совершения определенного поступка, считая, что я его совершаю с помощью Перуна. Перун становится действительно моей субъективной реальностью, потому что без его помощи я бы на что-то не решился. Но при этом говорить о объективности его существования для всех, наверное, это слишком самоуверенно» [муж., 1987 г.р.].

4. Установка на непознаваемость мира предполагает *стремление к его осмыслиению*. Например, о когнитивном использовании человеком мифологии говорится в следующей цитате: «В язычестве ставится ударение на сверхестественной, сверхреальной силе Потустороннего мира – необъятной реальности за гранью человеческого восприятия, реальности, которая время от времени таинственным и волнующим образом прорывается в наш мир и наши ощущения. Эта великая сила, эта сверхчувственная реальность породила языческие мифы и легенды. Она есть животворящий принцип языческой мифологии – единственный, всеобъемлющий и вездесущий принцип, только с его помощью ум мужчины или женщины может постичь невыразимые универсальные Истины. Эта сила – обитель Богов, в ней источник божественного вдохновения. Мифология представляет силу Потустороннего мира в виде древних сказаний, любая мифология может считаться проявлением этой силы» [15, с. 275].

Вопрос о познании мира решается неоднозначно. С одной стороны, говорится о разделенности его уровней: «Боги находятся внутри Вселенной, они часть ее, и вся вселенная в целом является божеством, но это божество такого уровня, к которому обращение бессмысленно, как обращение муравья к человеку. Как бы хорошо человек ни относился к муравью, но, извините, понять язык ароматов, понятный муравью, человеку не дано, я уж не говорю про интересы муравья» [муж., 1959 г.р.]. С другой, декларируется возможность познания через проявление божественного знания, скрытого внутри себя: «Божественное изначально присутствует в нас, составляет нашу истинную природу, что придает особый смысл практикам духовного самопознания» [32, с. 25].

Стремление к когнитивному освоению непознаваемого мира поддерживается установкой на прямое знание: предполагается, что язычник способен понимать некоторые вещи в силу данных ему способностей, интуиции, помощи божественного. В частности, это обусловлено родственными отношениями с богами, помощью предков, родной земли, родной природы. В некоторых случаях «прямое знание» может выражаться в сверхтонком чувствовании («Присутствие божества люди всегда ощущают, хотя не могут понять до конца – каким образом и какими чувствами» [6]) и даже в экстрасенсорике, по тех, кто склонен позиционировать себя как экстрасенсов, немного.

Установка на стремление к познанию служит доводом против религий, основанных, по мнению язычников, на слепой вере: «Слепая вера в современном славянском

родноверии противопоставляется непосредственному знанию – веданию, опирающемуся на личный духовный опыт, существенно подтверждаемый традицией и культурно созвучный (или хотя бы принципиально не противоречащий) наследию предков, что обычно выражается фразой: “Не верь, но ведай!”» [32, с. 20].

5. Установки на неполноту чувственного восприятия мира вкупе установкой на его познание формирует *интерес к приметам и считыванию знаков*, подаваемых божественными сущностями людям [33]. Особенно часто это случается во время обрядовых действий. Обычно обряд, особенно праздничный, считается моментом, когда к людям приходят боги, предки, духи. Соответственно, их проявление принято искать в изменениях погоды, дуновении ветров, появлении животных, особых звуках и прочих знаках. Во многих общинах в сакральном пространстве праздника принято гадать.

6. Установка на проявленность непознаваемого божественного в мире ведет к *формированию специфической символики обряда*. Сакральные объекты воспринимаются как абстрактные проявления божественного, его символы: «Наши пращуры понимали Богов как возвышенные отражения (образы, лики, олицетворения) того, что считали важнейшим в своей земной жизни» [7, с. 24].

В этой связи часто можно встретить утверждение, что слово «идол» созвучно «идеалу», то есть, в идолах воплощается сущность богов и сверхъестественных сил.

Подведем некоторые **итоги** статьи.

Мировоззрение современных российских язычников (в исследовании мы делаем упор на последователях славянского язычества – родноверах) основано на совмещении единобожия и многобожия. Боги считаются эманациями единого Бога, проявлениями его различных составляющих. Предполагается непознаваемость мира для субъективного человеческого восприятия.

Рассмотренная мировоззренческая концепция является манифестацией идеализма Платона в современном мире; речь идет не о генетической связи, а о спонтанном сходстве концептуальных подходов в разных культурно-исторических ситуациях. Как представляется, усиление, в сравнении с древним язычеством, значения единобожия в мировоззренческой системе обусловлено модернизированным мышлением современных язычников: в обществе много веков преобладает монотеистическая религиозная парадигма; монотеизм как религиозная концепция удобен и привычен для современного мировосприятия.

Конструируя мировоззренческую концепцию, соединяющую едино- и многобожие, современные язычники опираются на информацию о дохристианских богах (Роде, Свароге и др.), о мифообразе Мирового дерева, а также на фольклорный Стих о «Голубиной книге».

Установка на совмещение едино- и многобожия является ключевым компонентом мировоззренческой структуры современного язычества. Этот компонент обуславливает другие параметры: религиозную толерантность, установку на динанизм и осовременивание традиции, синcretичность мировоззрения некоторых язычников, стремление к осмыслиению окружающего мира (в том числе через прямое знание), интерес к приметам и считыванию знаков, формирование специфической символики.

Литература и источники

1. Арена. Атлас религий и национальностей. Российская Федерация // Исследовательская служба «Среда». [2012]. URL: www.sreda.org/arena. В настоящее время в архиве: <https://archive.org/details/sredablokpresssm2/page/n87/mode/2up?view=theater>.
2. Бесков А.А. Парадоксы русского неоязычества // Colloquium heptapleromes: научный альманах. Вып. 1. Н. Новгород: НГПУ, 2014. С. 11–23.
3. Богумил Второй Голяк. Вышень. Всё Яснить // Обычай Славен. <http://slav-pravda.ru/bogoved-trizna/>
4. Богумил, влх., Ракита, жрица. Славления родных богов. М.: Издательство «Велигор», 2023.
5. Велимир, влх. Книга природной веры. М.: Велигор, 2009. 592 с.
6. Велимир. Слово об идолах и святых местах языческой веры. Троицк: Коляда вяличей, 2013. 80 с.
7. Веста Арина. Священный смысл языческих обрядов. М.: ТД «Велигор», 2015. 186 с.
8. Вестник Традиционной Культуры: статьи, изведник. Вып. 1 / Под ред. А.Е. Наговицына. М.: Издатель Воробьев А.В., 2004.
9. Винник В. К основам Языческого Мировоззрения // Вестник Традиционной Культуры. Вып. 2 / Под ред. А.Е. Наговицына. М.: Издатель Воробьев А.В., 2005. С. 148–158.
10. Гайдуков А.В. Идеология и практика славянского неоязычества: дисс. к. филос. наук: 09.00.06 – философия религии / РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2000.
11. Гаппасова А.Г., Садыкова Т.М. Религиоведение: учебное пособие. Астана: Издательство КАТУ, 2018.
12. Громов Д.В. Единобожие и многобожие в современном российском язычестве // Вопросы антропологии. 2025. № 3.
13. Доброслав (Добровольский А.А.) Радость Солнцепоклонника. Б.м.: Сфера Интернет, 2003.
14. Зубов А.Б. История религий. Книга первая: Доисторические и вне исторические религии. Курс лекций. М.: Планета детей, 1997.
15. Ионов М.А., Байкова Е.А. Славянское язычество. Мироздание, общество, обряды. М.: Амрита-Русь, 2021. 368 с.
16. Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.
17. Куровский В.В., Куровская Л.В. Веда Прави – Покон Рода Всевышнего. Суть 1–2. Второе изд., доп. и уточн. Каменец-Подольский: П Буйницкий О.А., 2008. 320 с.
18. Кутарев О.В. «Союз Венедов»: история и взгляды славянской неоязыческой общины (1990–2017) // Colloquium heptapleromes: научный альманах. Вып. 4. Н. Новгород: НГПУ, 2017. С. 66–72.
19. Кутарев О.В. Характеристика Рода и Рожаниц в славянской мифологии: интерпретации Б.А. Рыбакова и его предшественников // Религиоведение. 2013. № 4. С. 170–177.
20. Лемешева Е.М. Неоязыческие сообщества в современном российском обществе: социологический анализ. Дисс. канд. соц. наук. Автограф. Саранск, 2014.
21. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.
22. Немировская Л.З. Религиоведение. История религии: Учебное пособие. М.: РосНОУ, 2010.
23. Нечкасов Е.А. (Askr Svarte) Идентичность язычника в XXI веке. М.: ТД Велигор, 2020.
24. Нечкасов Е.А. Структуры сакрального. Svarte Publishing, 2025. 624 с.
25. Нечкасов Е.А. (Askr Svarte). Polemos: Языческий Традиционализм. Языческая Заря? М.: Велигор, 2018.
26. Платон. Государство. Книга седьмая // Платон. Собрание сочинений: В 4-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
27. Резунков А.Г. Игрища солнечных праздников Руси. Исповедь мистагога. СПб., 2019 г. 346 с.

28. Родные боги. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 336 с. (Серия «Основы родноверия»).
29. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., Наука, 1994.
30. Смульский Е.В. К развитию вопроса о понятии «Неоязычество» // *Colloquium heptapleromes*: научный альманах. Вып. 1. Н. Новгород: НГПУ, 2014. С. 24–33.
31. Христианство: энциклопедический словарь: В 3-х тт. Т. 3. М.: Большая российская энциклопедия, 1995.
32. Черкасов И.Г. (волхв Велеслав). Основы славянского родноверия. М.: ИОИ, 2022. 1176 с.
33. Шиженский Р.В. Концепт языческой ремифологизации (на примере «Знамений» общины Н.Н. Сперанского) // *Colloquium heptapleromes*: научный альманах. Вып. 1. Н. Новгород: НГПУ, 2014. С. 96–100.
34. Шиженский Р.В. Современное русское язычество: религиоведческая концептуализация. Дисс. д-ра филос. наук, спец.: 5.7.9 – Философия религии и религиоведение. Нижний Новгород, 2024.
35. America's Changing Religious Landscape // Pew Research Center. May 12, 2015. RLS-08-26-full-report.pdf.
36. Neo-paganism // Britannica Encyclopedia of World Religions. 2006. P. 794–795.
37. Pike S.M. Earthly bodies, magical selves: contemporary pagans and the search for community. Los Angeles; London, 2001.
38. Religion, England and Wales: Census 2021 // Office of National Statistics. <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/religion/bulletins/religionenglandandwales/census2021>.
39. Strmiska M.F. Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives // *Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives* / Ed. by M.F. Strmiska. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2005. P. 1–54.